

Дик Фрэнсис

БУРНЫЙ
ФИНИШ

Оглавление

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

БУРНЫЙ ФИНИШ

Dick Francis
FLYING FINISH
Copyright © 1966 by Dick Francis
This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Сергея Белова

Фрэнсис Д.
Бурный финиш : роман / Дик Фрэнсис ; пер. с англ. С. Белова — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022.

ISBN 978-5-389-20937-4

16+

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательного романа 1960-х годов « Бурный финиш», который стал бестселлером во многих странах мира.

© С. Б. Белов (наследник), перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

ГЛАВА 1

— Ты противный, избалованный сукин сын, — бросила мне сестра, и ее слова отправили меня в путь, который чудом не стоил мне жизни.

Я вспомнил ее свирепое и некрасивое лицо и по дороге на станцию, и в вагоне, полном недорешенных кроссвордов и типичного понеделничного уныния, и когда ехал по Лондону в свой горячо любимый офис.

Кем-кем, а сукиным сыном я не был — епископ сочетал браком моих родителей в церкви в присутствии аристократической родни. Ну а что касается избалованности, тут уж они сами были виноваты — это было их подарком наследнику, родившемуся, так сказать, в самый последний момент. До этого в нашей семье рождались только дочери — целых пять. Мой дряхлый, восьмидесятишестилетний, впавший в детство отец рассматривал меня исключительно как орудие, с помощью которого ненавидимого им моего кузена можно было лишиться надежд на титул графа. Для отца я был символом, который он холил и лелеял.

Когда я появился на свет, моей матери было сорок семь, а теперь семьдесят три. Ее мозг явно перестал развиваться в День перемирия в 1918 году. С тех пор как я ее помню, она была совершенно безумной, или эксцентричной, как выражались те, кто ей симпатизировал. Так или иначе, первое, что я успел усвоить, — возраст и ум не имеют между собой ничего общего.

Уже слишком немолодые, чтобы возиться с ребенком, они держали меня на дистанции — няньки, гувернантки, интернат, Итон — и, говорят, очень сетовали на непомерно долгие школьные каникулы.

В наших отношениях присутствовали учтивость и чувство долга, но любви не было и в помине. Они не

требовали, чтобы я их любил, и я их не любил. Я вообще никого не любил. У меня не было такой привычки.

Как всегда, в офис я пришел первым. Я взял ключ у дежурного, неспешно прошел по длинному вестибюлю, в котором гулко раздавались мои шаги, потом поднялся по каменной лестнице, потом прошел по узкому длинному коридору. В самом конце его была тяжелая коричневая дверь, которую я отпер ключом. Внутри, как это принято в лондонских тесных конторах, мрачную атмосферу заглушал комфорт. «Агентство „Старая Англия“. Торговля лошадьми чистокровных пород». В кабинетах справа и слева ковры, стены покрашены в белый цвет, на дверях аккуратные таблички, где черным по белому выведены фамилии хозяев. Письменные столы отличались роскошью, а именно: были обиты кожей, на стенах эстампы. Я еще не достиг тех степеней успеха, чтобы сидеть в подобных кабинетах.

Комната, в которой я работал вот уже шесть лет, находилась в самом конце, за справочной и буфетной. Дверь была полуоткрыта. На ней табличка — ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. Три стола. С пятницы никаких изменений. Стол Кристофера завален кипой бумаг. На столе Мэгги пишущая машинка с кое-как надетым чехлом. Рядом несколько скомканных листков копирки. В вазе увядшие хризантемы, а в грязной чашке опавшие с них белые лепестки. На моем столе было чисто и пусто.

Я вошел, повесил пальто, сел за стол, открыл один за другим ящики и без особой цели стал поправлять и без того аккуратно уложенное содержимое.

Удостоверившись, что по моим всегда точным часам без восьми минут девять, я сделал вывод: часы на стене отстают на две минуты. После этого я уставился невидящим взглядом на календарь на зеленой стене.

«Противный, избалованный сукин сын», — сказала мне сестра...

Нет, это не так. Характер у меня вовсе не противный, настойчиво внушал я себе. Ни в коем случае.

Но в моих размышлениях не было убежденности. Я решил порвать с традицией и воздержаться от замечаний в адрес Мэгги насчет ее неряшливости.

В десять минут десятого появились и Кристофер, и Мэгги. Вместе и с хохотом.

— Привет, — сказал жизнерадостно Кристофер, вешая свое пальто. — Ну что, проиграл в воскресенье?

— Проиграл, — признал я.

— Повезет в другой раз, — сказала Мэгги, сдувая белые лепестки хризантем из чашки на пол.

Я прикусил язык, чтобы не отпустить какую-нибудь колкость. Мэгги взяла вазу и пошла с ней в буфетную, усыпая путь лепестками. Потом она вернулась и пронесла вазу над моим столом так, что на нем оказался след из капель. Не говоря худого слова, я взял промокательную бумагу, вытер потеки и, скомкав бумагу, швырнул ее в корзину. Кристофер наблюдал за происходящим с ироническим удовольствием, глаза его весело поблескивали за толстыми стеклами очков.

— И проиграл-то всего голову, да? — осведомился он, беря в руки мяч для крикета и делая вид, что швыряет его в окно.

— Всего голову, — согласился я. — В конце концов, не все ли равно, сколько проиграл, голову или десять корпусов. Проигравший не получает призов.

— Мой дядя поставил на тебя пятерку, — сообщил Крис.

— Мне очень жаль, — сухо отозвался я.

Кристофер развернулся на одной ноге и бросил мяч — он с грохотом врезался в стену и отскочил, оставив на ней отметку. Заметив, что я нахмурился, Крис расхохотался. К нам он пришел два месяца назад из Кембриджа. Из-за ухудшения зрения он вынужден был расстаться с крикетом, к тому же он завалил выпускные

экзамены. Впрочем, он был куда жизнерадостней, чем я, не испытавший подобных ударов судьбы. Мы терпели друг друга, не более того. Я с большим трудом сходился с людьми, и с Крисом тоже дружбы не вышло — он поначалу старался установить дружеские отношения, но вскоре понял, что это пустая затея.

Вернувшись из буфетной, Мэгги уселась за стол, вынула из верхнего ящика пузырек лака для ногтей и начала накладывать серебристо-розовый лак. Это была крупная, уверенная в себе девица из Сурбитона, весьма злая на язык, но всегда готовая проявить сочувствие, когда шипы злоязычия окончательно вонзались в душу собеседника.

Крикетный мяч выскользнул из руки Кристофера и покатился по столу Мэгги. Пытаясь его ухватить, Кристофер сбросил на пол грудку писем, а мяч опрокинул пузырек с лаком, и по строкам «Мы получили ваше письмо от 14-го числа» покатались розовые капли.

— Черт! — в сердцах воскликнул Кристофер.

В комнату вошел старик Купер, ведавший страховыми делами. Увидев разгром, он изобразил на лице неудовольствие, зажал пальцами ноздри и протянул мне бумаги, которые принес:

— Твой голубок, Генри. Приготовь как можно скорее к полету.

— Хорошо.

Уже уходя, он обернулся к Мэгги и Кристоферу и сказал, стараясь посильнее их задеть:

— Почему вы оба не можете работать так же хорошо, как Генри? Он никогда не опаздывает, у него во всем полный порядок, работу он делает как следует и вовремя. Вам бы надо брать с него пример.

Я внутренне поморщился и стал ждать ответных действий Мэгги. В понедельник с утра она бывала в отменной форме.

— Ни за что и никогда, — возразила она. — Генри — чопорное, скучное, бесполое существо. Он вообще, похоже, неодушевленный предмет.

Ну и денек сегодня!

— Но он выступает в скачках, — мягко возразил Кристофер.

— Если он упадет с лошади и сломает обе ноги, его будет волновать только одно: правильно ли ему наложили швы.

— Гипс, — поправил я.

— Что?

— При переломах накладывают гипс.

— Кто знает, кто знает, — рассмеялся Кристофер. — В тихом омуте под названием Генри могут вполне водиться черти.

— Это не тихий омут, а старый пруд, — буркнула Мэгги.

— Грязный и вонючий? — подсказал я.

— Нет... О господи... Извини меня, Генри, я не хотела...

— Все в порядке, — отозвался я. — Все в полном порядке.

Я поглядел на бумаги, что принес мне Купер, и взялся за телефон.

— Генри, — с отчаянием в голосе сказала Мэгги, — я правда не хотела...

Старик Купер укоризненно поцокал языком и удалился своей шаркающей походкой. Кристофер стал раскладывать свои отлакированные письма.

Я позвонил Саймону Серлу в транспортное агентство Ярдмана и сказал:

— Четыре годовалых жеребенка с аукциона в Ньюмаркете должны быть как можно скорее отправлены в Буэнос-Айрес.

— Может получиться задержка, — сказал Саймон.

— Почему?

— Мы потеряли Питерса.

— Большая небрежность с вашей стороны.

— Ха-ха-ха!

— Он вас бросил?

— Похоже, — сказал Саймон, поколебавшись.

— Как это понимать?

— Он не вернулся из последней поездки. В прошлый понедельник он не прилетел тем рейсом, на который у него был билет. С тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Может, он попал в больницу? — предположил я.

— Проверяли. И больницы, и морги, и тюрьмы. Он как в воду канул. Поскольку за ним не числится никаких правонарушений, полиция отнеслась к этому совершенно прохладно. Они говорят, что нет преступления, если человек уволился с работы без предупреждения. По их мнению, он вполне мог влюбиться и не захотеть вернуться.

— Он женат?

— Нет, — вздохнул Саймон. — Ладно, я займусь твоими годовичками, но боюсь, что даже приблизительно не могу сказать, когда их отправим.

— Саймон, — сказал я, — а разве нечто подобное не случалось раньше?

— Ты имеешь в виду Балларда?

— Да, он же был ваш агент и тоже пропал.

— Да вроде бы...

— Остался в Италии? — мягко напомнил я.

На другом конце провода возникло молчание, потом я услышал:

— М-да. Как странно. Я об этом подумал... Занятое совпадение. Ладно, я займусь твоими годовичками, — еще раз повторил он. — Я тебе позвоню.

— Если вы не можете, я обращусь к Кларксону.

— Сделаю что смогу, — вздохнул Саймон. — Завтра позвоню.

Я положил трубку и взялся за кипу таможенных деклараций. Время побежало, приближался час ланча.

За все утро мы с Мэгги не обменялись ни единым словом, а Кристофер то и дело ругался себе под нос, работая над письмами. Когда наступил час дня, я рванул к двери так, что обогнал даже Мэгги.

Улица была залита декабрьским солнцем. Вдруг, сам не зная зачем, я вскочил в автобус, вышел у Мраморной арки и медленно пошел через Гайд-парк к Серпантину. Я долго сидел там на лавочке и смотрел на солнечные блики на воде. Затем взглянул на часы и обнаружил, что уже два. Наступила половина третьего, но я по-прежнему сидел и смотрел на воду. Без четверти три ко мне обратился сторож и попросил не кидать камни в воду.

«Противный, избалованный сукин сын». Было бы нормально, если бы сестра говорила такие вещи постоянно, но Алиса была тихим, безвредным существом. В детстве ей мыли рот мылом, если она употребляла бранные слова, и с той поры у нее не возникало желание ругаться. Это была самая младшая из моих сестер, на пятнадцать лет старше меня. Некрасивая, незамужняя, средних интеллектуальных способностей. Поменявшись ролями с родителями, она управляла домом и ими. Да и мной тоже. Причем уже давно. Я был скрытный тихий пай-мальчик, выросший в скрытного мужчину. Я был почти патологически аккуратным, всегда приходил раньше на встречи и в манерах, почерке и сексе проявлял неукоснительную сдержанность. «Чопорное, скучное, бесполое существо». Мэгги права... Но это внешнее впечатление. То, что внутренне я уже давно был совсем другим, сбивало меня с толку и не давало покоя все больше и больше...

Я взглянул на голубое с золотыми разводами небо и подумал с тайной усмешкой, что только там я чувствую себя человеком. И еще когда участвую в стипль-чезах. Да, пожалуй, так.

Алиса ждала меня, как всегда, за завтраком. Лицо ее посвежело от ранней прогулки с собаками. Я почти не видел ее во время уик-энда. В субботу у меня были скачки, а в воскресенье я уехал до завтрака и вернулся поздно.

— Где ты вчера пропадал? — спросила Алиса, наливая кофе.

Я промолчал. Она, впрочем, успела привыкнуть к таким ответам.

— Мама хотела с тобой поговорить.

— О чем?

— Она пригласила Филлихоев на ланч на следующее воскресенье.

Аккуратно поедая яичницу с беконом, я невозмутимо заметил:

— Значит, эта робкая, прыщавая Анджеला? Пустая трата времени. Меня и дома-то не будет.

— Анджеला получит в наследство половину миллиона, — совершенно серьезно заметила сестра.

— А у нас плохо с крышей.

— Мама хочет, чтобы ты женился.

— На богачке.

Сестра признала, что это так, хотя и не понимала, что в этом плохого. Финансовое положение нашей фамилии ухудшалось, и родители полагали, что обменять титул на денежный мешок — неплохая сделка. Родители не понимали, что в наши дни богатые невесты слишком хорошо разбираются в жизни, чтобы взять и запросто так отдать свое наследство молодому супругу в его полное распоряжение.

— Мама сказала Анджели, что ты будешь.

— Очень глупо с ее стороны.

— Генри!

— Мне не нравится Анджеला, — холодно сообщил я. — И я не собираюсь быть здесь в воскресенье. Неужели вам не понятно?

— Генри, но неужели ты бросишь меня одну? Как мне с ними себя вести?

— Тебе следует удерживать мать от таких глупых приглашений. Анджела — уже сотая уродливая наследница, которую она приглашает к нам в дом в этом году.

— Но это нужно нам всем.

— Только не мне, — сухо возразил я. — Я не проститутка.

Сестра обиделась и встала.

— Какой ты злой, — сказала она.

— И раз уж об этом зашла речь, — сказал я, — я желаю жучкам приятного аппетита. Пусть съедят всю нашу крышу. Этот чертов дом поглощает уйму денег, и, если он рухнет, все мы вздохнем с облегчением.

— Это наш дом, — сказала сестра в виде последнего довода.

Если бы дом принадлежал мне, я бы тотчас же его продал, подумал я, но промолчал. Неверно истолковав мое молчание, сестра попросила:

— Генри, пожалуйста, будь на ланче с Филлихоями.

— Нет, — решительно сказал я. — В воскресенье у меня найдутся дела поважнее. Можете на меня не рассчитывать.

Внезапно сестра вышла из себя. Трясаясь от гнева, она закричала:

— У меня больше нет сил выносить твоё аутическое поведение. Ты противный, избалованный сукин сын!

Неужели это так, размышлял я, сидя возле Серпантина. И если это так, то почему?

В три часа, когда заметно похолодало, я встал и пошел из парка. Но направился я не на Ганновер-сквер, в элегантный офис моей фирмы. Пусть недоумевают, решил я, почему всегда пунктуальный Генри не вернулся после ланча. Вместо этого я взял такси и

поехал к старому, захламленному причалу. Когда я расплатился и вылез из машины, мне в нос ударил запах ила — на Темзе был отлив.

На этом причале вскоре после войны было наспех построено приземистое бетонное здание, которое кое-как поддерживалось все эти годы. Его стены были в ржавых потеках от прохудившихся водосточных труб. Их давно бы следовало покрасить. Прямоугольные окна с металлическими рамами были покрыты слоем сажи и копоти, а медные ручки на дверях не чистили с моего последнего визита полгода назад. Здесь не было необходимости прихорашиваться перед клиентами. Клиентов тут никто не ждал.

Я поднялся по голым каменным ступенькам лестницы, прошел через покрытую линолеумом площадку второго этажа и вошел в распахнутую дверь кабинета Саймона Серла. Он оторвался от блокнота, в котором что-то сосредоточенно рисовал, встал и двинулся мне навстречу. Он приветствовал меня крепким рукопожатием и широкой улыбкой.

Поскольку только он здоровался со мной столь радушно, с ним я бывал приветливей, чем с кем-либо еще. Впрочем, встречались мы редко, и то лишь по делу, и еще иногда заходили на обратном пути в пивную, где он предавался алкогольным возлияниям и дружеским излияниям, а я ограничивался порцией виски и больше помалкивал.

— Неужели ты приехал сюда специально из-за этих лошадей? — удивился он. — Я же тебе говорил...

— Нет, — перебил я его. — Я хотел узнать, не найдется ли у Ярдмана работа.

— Для кого?

— Для меня.

— Ну и ну, — только и сказал Саймон, присаживаясь на край стола и заполняя чуть не все его пространство своей массой. Это был крупный бесформенный человек

тридцати пяти — сорока пяти лет, лысевший с макушки. Он отличался некоторой богемностью в одежде и широтой воззрений.

— Но господи, с чего это ты? — вопрошал Саймон, удивленно уставясь на меня.

Мы представляли собой весьма разительный контраст: я в строгом черном шерстяном костюме, он в мешковатом вельветовом зеленом пиджаке.

— Хочется перемен.

— К худшему? — ухмыльнулся Саймон.

— Хочется немного повидать мир, попутешествовать.

— Хорошая идея, но неужели ты не можешь делать это с комфортом, а не сопровождая лошадей?

Как и большинство окружающих, он не сомневался, что у меня водились деньги. Но как раз денег у меня не было. Мои доходы почти целиком определялись зарплатой от «Англии», и совсем крохи приносила мне деятельность жокея-любителя — почти дилетанта. От отца я получал только стол и изъеденную жучками крышу над головой.

— Пожалуй, я не прочь попутешествовать в компании с лошадами, — равнодушно отозвался я. — Ну и какие у меня шансы?

— Огромные, — усмехнулся Саймон. — Только попроси. Старик ни за что не посмеет тебе отказать.

Но Ярдман чуть было не отказал мне. Он никак не мог взять в толк, что я его не разыгрываю.

— Мой дорогой мальчик, подумайте хорошенько, прошу вас, — говорил он мне. — Стоит ли покидать такое прекрасное место, как агентство «Старая Англия»? Как бы вы ни старались, работа в нашей конторе не принесет вам ни власти, ни престижа... Давайте честно глядеть фактам в лицо.

— По правде говоря, ни власть, ни престиж меня не очень-то волнуют...

— Так говорят люди, которые получают их по

наследству, — вздохнул Ярдман. — Нам же, простым смертным, трудно заставить себя презирать их.

— Я не презираю. Просто они меня не интересуют. По крайней мере, пока...

Ярдман стал медленно раскуривать темную сигару. Я внимательно следил за ним, пытаюсь понять, что у него на уме. Поскольку он был из другого теста, чем начальство «Старой Англии», я не очень хорошо представлял себе, как он устроен. Мне приходилось иметь дело с людьми примерно из того же социального слоя, что и я сам, которые не любили изъясняться открытым текстом. Ярдман же был для меня неизведанной территорией.

Он держался покровительственно-отечески, что довольно необычно для худого человека. На крепком орлином носу сидели очки в черной оправе. У него были впалые щеки, и казалось, ему приходится растягивать губы, чтобы закрывать зубы и десны. Уголки рта загибались книзу, что придавало ему то недовольное, то печальное выражение. Кожа имела нездоровый цвет, но голос и пальцы были крепкими, а как потом выяснилось, характер тоже.

Ярдман медленно затягивался сигарой — длинной, тонкой, с крепким запахом. Глаза за стеклами очков медленно меня изучали. Я понятия не имел, что он при этом думает.

— Ладно, — наконец сказал Ярдман. — Возьму вас, будете помогать Серлу, а там видно будет.

— Спасибо, — отозвался я, — хотя, признаться, меня интересовала больше работа Питерса.

— Питерса? — Он буквально разинул рот, обнажив нижний ряд искусственных зубов. Потом рот закрылся чуть не со щелчком. — Нет, не валяйте дурака. При чем тут работа Питерса?

— Серл говорит, он от вас ушел.

— Может, так оно и есть, но это не меняет дела.

— Я проработал пять лет в транспортной службе «Старой Англии», — спокойно отозвался я, — поэтому я хорошо знаком со всеми техническими деталями.

Кроме того, я всю жизнь езжу на лошадях и знаю, как за ними ухаживать. Может быть, у меня и правда плоховато с практикой, но я, вообще-то, быстро учусь.

— Лорд Грей, — сказал Ярдман, качая головой, — вы просто не представляете, что за работу выполняет Питерс.

— Прекрасно представляю, — возразил я. — Он летал на самолетах, сопровождал лошадей. Его обязанностью было следить, чтобы в пути с ними ничего не случилось и они попадали к кому положено, чтобы они нормально проходили через таможни в пункте отправления и пункте назначения. Кроме того, в его обязанности входило забирать лошадей обратно. Это вполне ответственная работа, она связана с постоянными разъездами, и я совершенно серьезно претендую на место Питерса.

— Вы не понимаете, — возразил он, — что Питерс был просто старшим конюхом, который ездил в заграничные командировки.

— Мне это известно.

Он продолжал курить, выпуская клубы дыма. Один, другой, третий. Я невозмутимо ждал.

— У вас с вашей фирмой... все в порядке?

— Вполне. Просто мне надоела бумажная работа. Причем надоела с самого первого дня.

— А как насчет ваших выступлений на скачках?

— В моем распоряжении были субботы. Кроме того, я разбивал свой трехнедельный отпуск. Они с пониманием относились к этому, и я всегда мог получить дополнительные свободные дни.

— Учитывая специализацию фирмы, они поступали разумно. — Ярдман рассеянно стряхивал пепел в чернильницу. — А теперь вы собираетесь бросить

скачки?

— Нет.

— Могут ли ваши скаковые связи способствовать работе нашей фирмы?

— Я постараюсь, — пообещал я.

Он отвернулся и поглядел в окно. Уровень воды в Темзе сильно понизился. На том берегу в сумерках рыжие краны походили на игрушки из детского конструктора. Тогда я никак не мог взять в толк, какие расчеты крутились в сообразительной голове Ярдмана, хотя теперь я нередко вспоминаю эти мгновения...

— По-моему, вы поступаете неразумно. Эх, молодость, молодость, — проговорил он и нацелил свой нос-клюв в мою сторону. Он пристально посмотрел на меня своими зеленоватыми, глубоко запавшими глазами, а потом сообщил, сколько получал Питерс: пятнадцать фунтов плюс три фунта на расходы за каждую поездку. Ярдман был уверен, что это заставит меня переменить решение. Так оно чуть было и не случилось.

— Сколько таких поездок выходит за неделю? — спросил я.

— Все зависит от времени года. Да вы и сами знаете. После продажи годовичков — три, во Францию — даже четыре. Иногда две. Иногда вообще никаких поездок.

— Ну что, берете меня? — спросил я.

Его губы искривились — потом я понял, что это называется иронической усмешкой.

— Можете попробовать, — сказал он. — Если вам, конечно, понравится.

ГЛАВА 2

Работа состоит из того, что ты в нее вкладываешь. Три недели спустя, после Рождества, я летел в Буэнос-Айрес с двенадцатью годовичками: четыре от «Старой Англии» и восемь от других фирм. Все они собрались в пять часов холодным утром в аэропорту Гатвик. Серл организовал их доставку и заказал документы в транспортной компании. Когда их выгрузили из специальных автофургонов, они перешли под мое начало. Я проследил, чтобы их погрузили в самолет, оформили документы на таможне, и полетел. Со мной летели также двое конюхов, которым очень не понравилось, что место Питерса получил я. Каждый из них очень надеялся на повышение, и с точки зрения человеческих отношений эта командировка оказалась полным провалом. В остальном все прошло без осложнений. Мы прилетели в Аргентину с четырехчасовым опозданием, и машины новых хозяев уже ждали свой груз. Я опять выполнил все таможенные процедуры и проследил, чтобы каждый из пяти новых владельцев получил то, что заказывал, и все необходимые сертификаты в придачу. На следующий день в самолет загрузили пушной товар, и в пятницу я снова был в Гатвике.

В субботу я один раз упал с лошади и один раз выиграл скачку в Сандауне. Воскресенье я провел как обычно, а в понедельник вылетел в Германию с цирковыми пони. Через две недели я валился с ног от усталости, но через месяц привык. Я приспособился к долгим перелетам, к нерегулярному питанию, к бесконечным чашкам кофе, ко сну в сидячем положении на брикетах сена на высоте десять тысяч футов. Оба конюха, Тимми и Конкер, немного побушевав, взяли себя в руки, и мы в конце концов составили неплохую, немногословную, дельную

команду.

Моя семья, разумеется, пришла в ужас от моей новой работы и делала все, чтобы заставить меня отказаться от нее. Моя сестра взяла назад вполне заслуженные упреки, мой отец был убежден, что титул графа попадет кузену, ведь аэропланы — такие противоестественные опасные устройства, а моя мать была в истерике от того, что подумают знакомые.

— Это же работа поденщика, — причитала она.

— Не место красит человека, а человек место, — отвечал я.

— Но что скажут Филлихой?

— А не все ли мне равно?

— Эта работа не для тебя, — говорила мать, заламывая руки.

— Она меня вполне устраивает. Стало быть, эта работа для меня.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду совсем другое.

— Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду, мама, и я с тобой не могу согласиться. Человек должен делать то, что ему нравится. Это главное. И совершенно не важно, как на это смотрят окружающие.

— Очень даже важно! — воскликнула она в полном отчаянии.

— Я терпел целых шесть лет, но терпению моему настал предел. И мир меняется. Кто знает, вдруг то, чем я занимаюсь, станет через год самой модной профессией. Стоит мне зазеваться, и половина моих знакомых попытаются перехватить эту работу. Но так или иначе, мне эта работа нравится, вот и все.

Но убедить мать было невозможно, и она могла смотреть в глаза своим знакомым, лишь делая вид, что ее сын поступил в эту контору, чтобы лучше узнать жизнь, и вообще все это было просто шуткой.

Саймон Серл тоже поначалу отнесся к этому как к

шутке.

— Ты у нас не удержишься, Генри, — доверительно говорил он. — Ты как-то плохо сочетаешься с навозом. Я имею в виду твои темные роскошные костюмы с белоснежными рубашками. Одна такая командировочка — и все!

Ровно через месяц, в пятницу, я зашел к Ярдману за конвертом с жалованьем, и мы отправились с Серлом в его любимую пивную, где были цветные витражи и спертый воздух. Он грузно опустился на табуретку у бара, заказал пинту. Я заплатил и заказал полпинты себе. Саймон осушил чуть ли не всю кружку одним мастерским глотком. Слизнув языком с верхней губы остатки пены, он поинтересовался:

— Ну как кочевая жизнь?

— Нравится, — с улыбкой отозвался я.

— Я уверен, — сказал он, дружески улыбаясь, — что ты еще не наломал дров.

— Спасибо, — отозвался я.

— Впрочем, поскольку я делаю всю черновую работу, у тебя и впрямь все должно идти нормально.

— Так оно и есть, — согласился я.

Саймон и правда был отличным организатором. Именно по этой причине «Англия» чаще предпочитала иметь дело с фирмой Ярдмана, а не с агентством Кларксона, гораздо более солидной организацией. Все, что делал Саймон, отличалось простотой и надежностью, и он всегда находил время проверить, правильно ли его поняли. Агенты, владельцы лошадей, представители авиакомпаний прекрасно знали, как обстоят дела и что они должны делать. Я никогда не встречал столь надежного делового партнера, как Саймон. Я и сам отличался пунктуальностью и потому восхищался работой Саймона как настоящим творчеством.

Саймон уставился на меня с явным удивлением и

спросил:

— Неужели ты и в командировки отправляешься в таком виде?

— В общем-то, да.

— Что означает «в общем-то»?

— В самолете я надеваю вместо пиджака свитер.

— А пиджак ждет тебя на земле?

— Да.

Он рассмеялся, но в его смехе не было издевки.

— Ты странный парень, Генри, — сказал он, потребовал еще пива, недоуменно пожал плечами, когда я отказался, и снова одним глотком осушил кружку. — Почему ты такой аккуратист?

— Так безопасней.

— Безопасней? — Он поперхнулся пивом и закашлялся от смеха. — Неужели тебе не кажется, что для очень многих выступления в стипль-чезах и постоянные перелеты не кажутся образцом безопасного существования?

— Я не это имел в виду.

— А что же? — спросил Саймон.

Но я покачал головой и не стал пускаться в объяснения.

— Расскажи лучше мне о Ярдмане, — попросил я.

— Что именно?

— Ну, откуда он... что он за человек и так далее.

Саймон сгорбился над кружкой и поджал губы.

— Он пришел в фирму после войны. До этого он служил сержантом в пехоте. Не знаю подробностей, никогда не спрашивал. Но он прошел весь путь снизу доверху. Тогда фирма еще не носила его имени. Хозяевами были люди по фамилии Мейхью, но они умерли, а племянники потеряли интерес, и так далее. Когда я сюда поступил, Ярдман был уже главным. Не знаю, как он этого добился, но факт остается фактом. Он, впрочем, человек способный, в этом ему не

откажешь. Кстати, это он ввел авиаперевозки. Он считал, что так гораздо лучше, хотя остальные компании предпочитают транспортировку по суше и морю.

— Даже несмотря на то, что сама фирма расположена на пристани.

— Точно. Кстати, в свое время это было очень удобно. Но потом они перестали отправлять лошадей на континент на мясо.

— Ярдман тоже этим занимался?

— Да, — кивнул Серл. — Он был экспедитором. В том конце причала есть большой сарай, там мы собирали лошадей. Их обычно собирали дня за три до прихода парохода. А приходил он раз в две недели. Не могу сказать, что очень жалею о прекращении таких поставок. Много шума, много суматохи, много грязи. А как говорил Ярдман, прибыли кот наплакал.

— А тебя не волновало, что их везут на убой?

— А чего тут переживать? Примерно так же отправляют свиней или коров. — Он допил пиво. — Никто не живет вечно. — Он весело улыбался и, показав на кружки, спросил: — Еще по одной?

Я отказался, а он заказал очередную кружку.

— О Питерсе что-нибудь известно? — спросил я.

— Ни звука, — покачал головой Серл.

— А его бумаги где?

— По-прежнему в конторе.

— Немножко странно.

— Кто знает, что у него было на уме, — пожал плечами Серл. — Может, он хотел от кого-то отвязаться и уж постарался на славу.

— И никто не поинтересовался, почему он пропал?

— Нет, никто. Ни полиция, ни обманутые им букмекеры, ни разгневанные женщины.

— Он что, поехал в Италию и исчез?

— В общем-то, да. Он повез маток в Италию, в Милан,

и в тот же день должен был вернуться. Но что-то случилось с самолетом: то ли с двигателем, то ли еще с чем-то, и пилот сказал, что если проработает так еще несколько часов подряд, то у него будут неприятности. Поэтому возвращение было перенесено на следующий день, но утром Питерс не появился. Они прождали его чуть ли не целый день и вернулись без него.

— И все?

— Что делать, такова жизнь с ее маленькими тайнами. А что, ты, может, боишься, что Питерс появится и тебе придется освободить место?

— Может, и так.

— Неуживчивый он был какой-то, — задумчиво проговорил Серл. — Постоянно качал права. Постоянно спорил. Очень агрессивный человек. Вечно вступал в препирательства с заграничными таможенниками. Они небось рады-радешеньки, что теперь появился ты, — закончил Серл с улыбкой.

— Наверное, и я таким стану через год-другой, — сказал я.

— Через год-другой? — искренне удивился он. — Генри, ну я еще могу понять, что ты занял вакансию, так сказать, смеха ради, но неужели ты собираешься работать тут постоянно?

— Ты считаешь, мне куда больше к лицу респектабельная работа за письменным столом в «Старой Англии»? — иронически осведомился я.

— Да, — сказал он на полном серьезе. — Пожалуй.

— И ты тоже? — вздохнул я. — Я-то думал, хоть ты поймешь... — Я многозначительно осекся.

— Что я пойму?

— Ну хотя бы то, что кое-кому, например, хочется, несмотря на все свое аристократическое происхождение, порвать с работой, которую прилично иметь, и начать заниматься тем, что тебе подходит. Я не могу сидеть за столом и переключивать бумажки. Я

понял это в первую же неделю работы в «Старой Англии», но остался, потому что сразу устроил скандал и потребовал самую заурядную работу. Я долго не желал признаться, что допустил ошибку, поступив в эту фирму, и пытался полюбить свое дело. Полюбить не полюбил, но по крайней мере привык, а теперь... Теперь уже я вряд ли смогу вернуться к канцелярской жизни с девяти до пяти.

— Твоему отцу за восемьдесят? — задумчиво осведомился Саймон, а когда я кивнул, продолжил: — И ты думаешь, когда он умрет, они позволят тебе развозить лошадей по всему миру? Да и сколько ты сможешь заниматься этим так, чтобы не прослыть эксцентриком, человеком с причудами? Нравится тебе это или нет, Генри, но карабкаться по социальной лестнице вверх куда проще, чем спускаться, при этом оставаясь уважаемым членом общества.

— Значит, меня будут уважать, если я гоняю лошадей по белу свету, не вставая из-за письменного стола в «Англии», но я тотчас же потеряю это уважение, если встану из-за стола и сам окажусь в самолете?

— Именно, — рассмеялся Саймон.

— Мир рехнулся, — заключил я.

— Ты романтик, Генри, но со временем это пройдет. — Он окинул меня дружеским взглядом, допил пиво и сполз с табуретки, словно большая зеленая медуза. — Пошли, — сказал он. — Самое время пропустить еще по одной в «Голове сарацина».

На следующий день на ипподроме Ньюбери я просмотрел пять скачек с трибуны и принял участие в шестой.

Подобная бездеятельность была вынужденной. Когда мне исполнилось двадцать лет, стюарды поставили меня перед выбором: или перейти в профессионалы, или ограничиться пятьюдесятью открытыми скачками в сезон. Иными словами — не мешайте коммерции, не

отбирайте хлеб с маслом у жокеев-профессионалов. Как если бы профессиональные жокеи ели хлеб с маслом!

Я не перешел тогда в профессионалы по двум причинам. Во-первых, я все-таки получил слишком традиционное воспитание, а во-вторых, звезд с неба на ипподроме не хватало. Я и теперь не был королем любителей, но все же давно работал с полной нагрузкой, какую только может иметь жокей-непрофессионал. Большая рыба в маленьком пруду. Теперь, обретая свободу, я пожалел, что в двадцать лет не отважился стать профессионалом. Я очень любил стипль-чезы и, пожалуй, смог бы кое-чего добиться, если бы все свое время уделял скачкам. Сидя на трибуне ипподрома Ньюбери, я с горечью сознавал, что сестра слишком поздно открыла мне глаза на жизнь. Мое единственное сегодняшнее выступление было в скачке «только для любителей». Поскольку на этот счет ограничений не существовало, редкая любительская скачка обходилась без меня. Я регулярно выступал на лошадях тех хозяев, которые не хотели тратиться на профессионалов, и для тех, кто полагал, что их лошади имеют лучшие шансы в скачках любителей, и, наконец, для тех немногих, кому нравилось, как я выступаю.

Они знали, что, если я выиграю в любительских или открытых призах, я рассчитываю получить около десяти процентов от стоимости призового места. Поползли слухи, что Генри Грей выступает ради денег. Генри Грей — меркантильный любитель. Поскольку я отличался сдержанностью и у меня не было длинного языка, мне порой платили наличными, а так как мой отец был графом Креганом, моя любительская лицензия оставалась неприкосновенной. В раздевалке я обнаружил, что, несмотря на перемены в настроении, я не в состоянии изменить раз и навсегда установленный стереотип. Вокруг меня шел веселый обмен репликами, в котором я не участвовал.

Никто, собственно, не ожидал обратного. Ко мне уже привыкли. Половина жокеев относились к моей отстраненности как к надменному снобизму, остальные лишь пожимали плечами и говорили: «Так уж Генри устроен». Никто не проявлял враждебности, это я сам отказывался стать частью целого. Я медленно переодевался в рейтузы и камзол, слушал сочные реплики других жокеев и не знал, что сказать.

Скачку я выиграл. Довольный владелец публично похлопал меня по плечу, угостил выпивкой в баре для владельцев и членов жокей-клуба, а потом украдкой сунул мне сорок фунтов.

Я их потратил до пенса в воскресенье.

Я зашел в гараж еще до рассвета, завел свой маленький «геральд», потом, стараясь не шуметь, открыл двери, и машина зашуршала шинами по аллее. Мать пригласила к нам на уик-энд еще одну состоятельную девственницу. В субботу я отвез ее с родителями в Ньюбери, подсказал верную лошадку — на которой, кстати, скакал сам — и счел, что сделал достаточно. Когда я вернусь, холодно размышляя я, их уже здесь не будет и мои дурные манеры, выразившиеся в таком внезапном исчезновении, возможно, — если повезет — охладят их интерес ко мне.

Два с половиной часа я ехал в северном направлении и наконец оказался в Линкольншире перед воротами с вывеской. Я поставил машину в конце стоянки, вылез, потянулся и взглянул на небо. Утро было холодное, ясное, а видимость отличная. На небе ни облачка. Удовлетворенно улыбаясь, я двинулся к ряду белых строений и толкнул стеклянную дверь Фенландского авiakлуба.

Я оказался в вестибюле, из которого в разные стороны вели несколько коридоров. Была там и двойная дверь — выход на летное поле. По стенам висели карты в рамках,